

А.Л. Федорин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В. ПО ДАННЫМ ВЬЕТНАМСКИХ И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В целом степень изученности разных периодов истории разных стран собственными историками, как это ни парадоксально, во многом зависит от их отношения к событиям, происшедшим в эти периоды. Как правило, эпохи подъема, быстрого развития, героических свершений привлекают больше внимания, чем времена застоя, поражений и краха, особенно если они связаны с иностранным вмешательством или катастрофическими ошибками руководства страны. Это в равной степени касается практически всех стран, включая и Вьетнам, где, например, наименее разработанной является эпоха борьбы Севера и Юга (*Намбак фанчань*), когда на территории страны существовало сразу несколько активно враждующих между собой государственных образований, постоянно находившихся в состоянии гражданской войны. И, наоборот, период героической борьбы вьетнамского народа за национальную независимость в первой четверти XV в. и последовавшее за этим быстрое формирование суверенного государства нового типа, ставшего вскоре самым сильным в Юго-Восточной Азии, всегда были в центре внимания как традиционной, так и современной вьетнамской исто-

риографии. По этой проблематике была подготовлена масса публикаций, итогом которых стала замечательная монография Фан Хюи Ле и Фан Дай Зоана, неоднократно переиздававшаяся и сохранившая свою научную значимость вплоть до настоящего времени¹. Большинство вопросов, связанных с этим периодом, проработаны до мелочей, многие из них становятся предметами специальных научных конференций и семинаров². С учетом изложенного, при подготовке перевода IX, X и XI глав Основных анналов хроники «Дайвьет шы ки тоан тхы» (в дальнейшем — ТТ), посвященных истории Вьетнама в этот период, которые войдут в 5-й том ее издания на русском языке, написание специальной исследовательской статьи, к тому предваряющей переводы, первоначально не планировалось. Однако в ходе работы над источником и параллельными китайскими текстами, помещенными в приложение, был выявлен целый ряд нерешенных проблем и неосвещенных вопросов, что заставило нас изменить свои планы. Таких вопросов оказалось много. Остановимся на наиболее интересных и поучительных из них.

* * *

Первый вопрос, который хотелось бы осветить в данном докладе, касается личности руководителя ламшонского восстания, национального героя вьетнамского народа, будущего основателя династии Поздние Ле (1428—1789) Ле Лоя (1385—1433). Данные китайских и вьетнамских источников, касающиеся его появления на политической арене, принципиально расходятся. Как считали вьетнамские историографы, Ле Лой происходил из зажиточной семьи, не так давно обосновавшейся в предгорьях в пров. Тханьхоа и сумевшей сплотить вокруг себя местное население. В прошлом он не имел никакого отношения ни к центральной власти во Вьетнаме, ни к китайской администрации пров. Зяотьи и поднял восстание, руководствуясь исключительно патриотическими соображениями.

По данным же китайцев, Ле Лой действительно не имел отношения к администрации династии Хо и не оказывал ей содействия в борьбе против китайской агрессии. Но на втором

этапе борьбы против армий Чжан Фу он со своим отрядом присоединился к императорам династии Поздние Чан и дошел в должности до командира одного из отрядов личной охраны императора (Армии расчищающих путь). Когда судьба императора Чан Куи Кхоанга была уже фактически решена, он оставил ряды его армии и сдался Минам. Руководствуясь линией на отказ от наказания добровольно капитулировавших, Чжан Фу амнистировал его и назначил на должность станового пристава в его родные места (Ламшон). Эту должность Ле Лой считал для себя оскорбительно низкой, поэтому и испытывал внутреннее недовольство, которое в конце концов и привело его к мысли о восстании. Вот что о нем конкретно пишет наиболее авторитетный и подробный китайский источник, касающийся того времени — *Мин шилу* (МШЛ): «Ранее [Ле] Лой присоединился к поднявшему мятеж Чан Куи Кхоангу и был назначен незаконным военачальником Армии расчищающих путь. Позднее сдержал себя, пришел и сдался. Был назначен становым приставом. Но в душе сохранил склонность к мятежу»³.

Интересно отметить, что ни средневековые вьетнамские историографы, ни современные вьетнамские ученые, которые в целом активно использовали и используют данные МШЛ в своих изысканиях, никогда эту информацию не упоминают, хотя бы для того чтобы вступить в полемику и опровергнуть китайскую точку зрения. Они ее просто не замечают. Между тем, по нашему мнению, большего доверия заслуживает именно версия китайских источников, поскольку во многом подтверждается ходом дальнейших событий. Ле Лоя китайцы явно знали лично еще до того, как он стал с ними бороться самостоятельно. Он был хорошо знаком с евнухами Ма Ци и, особенно, Шань Шоу, который регулярно вел с ним личную переписку и ходатайствовал за него перед минским императором, когда встал вопрос о склонении его к отказу от борьбы.

Совершенно очевидно, что Ле Лой пользовался авторитетом среди представителей элиты вьетнамского общества, к нему уже на ранних этапах присоединились многие высокопоставленные деятели того времени, включая того же губернатора Нгеана Фан Лиеу, представителя императорской семьи Чан — Чан Нгуен

Хана, что было бы немыслимым, если бы он был простым зажиточным крестьянином и ранее не обладал определенным статусом. Да и собственные слова Ле Лоя, приведенные в ТТ, свидетельствуют, что он с китайцами все-таки сотрудничал и пришел к выводу о невозможности дальнейшего сотрудничества далеко не сразу: «Прежде, когда Я столкнулся с бунтом, то укрылся в Ламшоне, изначально думая только о сохранении своей жизни любыми средствами. Вначале не было намерения обрести Поднебесную. Но враги насильничали сверх меры, жизнь людей стала невыносимой, всех, имевших разум, они уничтожали. Хотя Я истощил семейное имущество в угоду им, рассчитывая отвести от себя беду с их стороны, однако стремление уничтожить меня не только не уменьшалось, но росло. Обдумывая [план] поднять повстанцев, Я в действительности поступил так от безысходности, и только!»⁴

Второй вопрос, который хотелось бы затронуть, касается времени появления на исторической арене Чан Као, представленного минскому императору Сюань-цзуну в качестве последнего оставшегося в живых потомка императорского рода Чан. Во вьетнамских источниках существуют две версии этого события. В соответствии с первой, наиболее распространенной, которая приводится косвенно в ТТ и прямо в следующих за ней более поздних хрониках, Ле Лой, осадивший в 1426 г. в Донгкуане китайский гарнизон под командованием Ван Туна, стал искать возможности решить конфликт относительно мирным путем и добиться добровольного вывода китайских войск за пределы страны. Ван Тун заявил, что минский император никогда не даст инвеституру самому Ле Люю, и порекомендовал ему отыскать на роль будущего правителя страны кого-нибудь из потомков рода Чан, что позволит Минам «сохранить лицо» при выводе своих войск за пределы Вьетнама, поскольку именно эта цель (возвращение на престол династии Чан) была ими формально поставлена накануне вторжения во Вьетнам в 1407 г. армий Чжан Фу. Ле Лой послушался совета Ван Туна, отыскал якобы потомка династии Чан — Чан Као, сделал его в конце 1426 г. императором⁵, и во второй половине 1427 г., накануне вторжения во Вьетнам экспедиционного корпуса Лю Шэна, на-

правил в Пекин соответствующее посольство с документами от его имени.

Вторая версия «обретения» Чан Као содержится в хронике знаменитого средневекового вьетнамского историографа Ле Куи Дона «Всеобщая история Дайвьета» (*Дайвьет тхонгши*). В соответствии с ней самозванец Хо Онг, представлявший потомком династии Чан, Чан Као, попал в руки Ле Лою еще в 1425 г. Его передал будущему императору Ле Тхай-то присоединившийся к нему в начале 1425 г. местный вождь из *тяу* Нгокма — Кам Куи. Уже тогда Ле Лой обдумывал планы послевоенного обустройства будущего государства и, понимая, что ему самому напрямую инвеституру от Минов никогда не получить, лично, без всяких советов китайцев, решил провозгласить этого самозванца императором с эрой правления *Тхиен-кхань*, что и сделал в самом конце того же 1425 г. по лунному календарю. Таким образом, 1426 г. стал уже вторым годом правления этого императора, что было важным для ведения в будущем переговоров с Китаем по дипломатической линии⁶. Эти разночтения в версиях двух авторитетных вьетнамских источников отметил еще выдающийся вьетнамский историк Хоанг Суан Хан, но он не взял на себя ответственность сделать вывод о том, какая из этих версий является правильной⁷. Между тем анализ сообщений китайских и вьетнамских источников свидетельствует, что правильной, безусловно, является версия Ле Куи Дона. Более того, скорее всего она содержалась и в ранних вариантах текста ТТ, но потом была из него изъята, причем не очень умело. Попробуем проиллюстрировать этот вывод конкретными выдержками из этой хроники.

В самом конце погодной статьи 1425 г. X главы Основных анналов ТТ имеется следующее сообщение: «Военачальники почтительно объявили императора “Ведущим обновление по воле Неба” (代天行化). С тех пор в большинстве документов его называли этими четырьмя иероглифами»⁸. А вот что пишет об этом Ле Куи Дон: «Зима. 11-я луна (1425 г.)... Император (Ле Лой) счел, что народ страны все еще помнит род Чан, поэтому повелел призвать Чан Као и объявить его императором... А себя самого скромно назвал приравненным к великому учите-

лю-*тхайшы*, распорядителем важных военных и государственных дел, ведущим обновление по воле Неба с золотой рыбой на поясе и с верительной биркой с золотым тигром, *куокконгом* стражи Чангво...»⁹. Таким образом, по мнению Ле Куи Дона, провозгласив Чан Као императором, Ле Лой был вынужден формально отказаться от претензий на руководство страной и вместо поста правителя (Биньдинь-*вьонг*) занял самые высокие посты в государстве, но уже как чиновник при дворе действующего императора, и отныне этот титул (Биньдинь-*вьонг*) уже не использовал, подписывая бумаги званием, весьма расплывчатым и не дающим четкого представления о месте его владельца в государственной иерархии («Ведущий обновление по воле Неба»). Судя по всему, упомянутая выше фраза в ТТ по этому поводу представляет собой кардинально сокращенное сообщение, встречающееся у Ле Куи Дона. По-видимому, кому-то из авторов хроники показалось неправильным фиксировать факт формального разрыва непрерывности правления Ле Лоя в качестве Биньдинь-*вьонга*, и он этот факт скрыл, существенно сократив соответствующее сообщение.

Второй аналогичный вариант сокращения первоначального текста находим опять же в самом конце следующей погодной статьи ТТ, посвященной событиям 1426 г.: «Управитель-*чжич-жоу* области-*фу* Тьиньбинь Хэ Чжун был пойман императором. Казнили его»¹⁰. Это сообщение сразу бросается в глаза. ТТ весьма редко фиксирует гибель отдельных представителей китайской администрации, не связанных с конкретными сражениями или другими действиями. Кроме того, Хэ Чжун был гражданским чиновником, которых, как правило, не казнили просто так, если они не совершали каких-то конкретных действий, направленных против повстанцев. Да и место службы этого деятеля (Тьиньбинь, пограничный с Чампой район) уже давно было в руках армий Ле Лоя. Поскольку Ле Куи Дон об этом эпизоде ничего не пишет, обратимся к китайским источникам, в частности к хронике *Мин ши*: «После поражения при Нинькиеу Ван Тун прикинулся, что хочет помириться с врагом, но [пытался] попросить династию о подмоге войсками. Блокированные врагом, не могли пройти [через его заслоны]. Враг направил послов

преподнести послание с признанием вины. [Ван] Тун тогда велел [Хэ] Чжуну вместе с заместителем тысяцкого Гуй Шэном отправиться вместе с ними и доложить, чтобы отказали в возвращении земель. Тайно приказал попросить войска [на подмогу]. Когда добрались до Сыонгзянга, евнух Сюй Сюнь выдал их план. Тогда враги скрутили [Хэ] Чжуна и [Гуй] Шэна и занесли над ними обнаженные клинки. Оба с гневными взглядами бранились и не покорялись. Все, вместе с сыном [Хэ] Чжуна, были убиты»¹¹. Теперь все встает на свои места. В данном сообщении ТТ в его первоначальном виде речь шла о первой попытке Ле Лоя установить прямые контакты с Пекином и попытаться добиться мирного вывода китайских гарнизонов за пределы Вьетнама. Попытка была неудачной (посольство даже не успело выехать за пределы страны), могла быть интерпретирована как проявление слабости повстанцев перед лицом врага, средневековые историографы решили ее замолчать, сократив до неузнаваемости сообщение об этом посольстве, которое превратилось в неудобопонятную информацию о поимке и казни отдельно взятого китайского гражданского чиновника. Для нас в расшифровке этого «ребуса» самое главное то, что уже в конце 1426 г. Ле Лой предпринял первую попытку договориться непосредственно с минской администрацией в Пекине, и это не отрицают ни китайские (прямо), ни вьетнамские (косвенно) источники. Такая попытка могла быть предпринята только от имени представителя династии Чан, значит, Чан Као к тому времени уже был провозглашен императором.

В тексте ТТ встречаются и другое свидетельство того, что Чан Као был провозглашен императором именно в конце 1425 г. На территории, контролируемой Ле Лоем, в 1426 г. вдруг «перестал действовать китайский календарь»¹². Причина очевидна: этот год стал 2-м годом эры *Тхиен-кхань* самостоятельного вьетнамского императора Чан Као.

И, наконец, третий сложный момент в интерпретации данных вьетнамских источников, на котором хотелось бы остановиться особо. Это вопрос о престолонаследии, о переходе власти от Ле Лоя к его преемнику. После победы повстанцев ситуация в стране, разрушенной многолетними войнами и утра-

тившей в связи с ними существенную часть своего населения, была крайне сложной. В ходе борьбы против минских оккупантов Ле Лой искал союзников повсюду, поэтому состав его окружения с точки зрения происхождения, территориальной привязки, устремлений и планов был крайне неоднородным. Это были и его прямые близкие и дальние родственники, и родственники по линии жен, и земляки в узком (односельчане) и широком (уроженцы Тханьхоа) смысле этого слова, и южане в целом, составлявшие основу его повстанческой армии («страж Железного удара»). Это были и руководители отдельных повстанческих отрядов, так и не интегрировавшиеся в единую повстанческую армию и лишь взаимодействовавшие с Ле Лоем на правах союзников (Фан Лиеу из Нгеана, северянин Ло Ван Луат, тот же Нгуен Тьить из Нгеана). Это были и вожди горных племен, которые вели свою собственную войну против китайских оккупантов и добились для себя широкой автономии, близкой к независимости (Нонг Ван Лить, Дэо Кат Хан). Это были и северяне из числа сторонников династии Чан, в том числе примкнувшие к движению на самых ранних этапах (Чан Нгуен Хан, Нгуен Чай, Фам Ван Сао, Лыу Нян Тю). Все они сыграли свою роль в победе над китайцами, все они рассчитывали на соответствующее вознаграждение, всем им давали какие-то обещания на будущее. Кроме того, большинство населения на севере страны составляли люди, так или иначе сотрудничавшие с китайцами, были среди них лица, занимавшие высокие посты в военном и гражданском аппарате пров. Зяотьи, составлявшие элиту уходящего общества, совсем не склонные вот так просто отказываться от своих привилегий и особого статуса. В обществе отсутствовало единство, между отдельными представителями его элит существовали непримиримые противоречия, которые требовали того или иного решения. В борьбе за единство Ле Лоя надо было идти на непопулярные меры, кого-то из бывших союзников (да и противников тоже) выбрать в качестве опоры, кого-то отстранить от реальной власти, а кого-то просто физически уничтожить. Все это вылилось в ожесточенную межклановую борьбу, которую мы наблюдаем в течение всего его правления как нового императора Дайвьета

(1428—1433) и которая плохо отражена в имеющихся у нас вьетнамских источниках, не говоря уже о китайских.

Анализ данных на высших должностных лиц вьетнамского государства династии Поздние Ле в первые годы его существования, прежде всего военных чиновников, свидетельствует, что первоначально Ле Лой пытался привлечь к управлению практически все слои своих соратников и союзников по борьбе с минскими оккупантами, но затем их круг неуклонно и быстро сужался сначала за счет лиц, не принимавших участие в войне на его стороне, потом за счет северян в целом, и, наконец, в нем остались практически только те лица, которые участвовали в восстании с самого его начала из числа его родственников и односельчан.

Но и тогда противоречия и борьба не прекращались. Среди близких родственников Ле Лоя помимо сыновей его многочисленных сестер и двух старших братьев, к этому времени уже умерших (Ле Хок и Ле Чы), важное место занимали представители рода Чинь, из которого вышло несколько поколений жен императорской семьи, включая мать Ле Лоя и его первую жену (мать наследника Ле Ты Тэ), которая погибла (покончила жизнь самоубийством) еще в 1418 г., когда попала в плен к китайцам. Представители этого рода во главе с Чинь Кха вполне могли претендовать на самые высокие места в государстве в случае смерти Ле Лоя и прихода к власти наследника Ле Ты Тэ. В оппозиции к родственникам Ле Лоя стояли боевые генералы во главе с Ле Шатом и Ле Нганом, которые поддерживали второго сына императора — малолетнего Ле Нгуен Лонга. Мать этого принца, по преданию, покончила жизнь самоубийством еще в 1424 г., принеся себя в жертву духам, чтобы добиться победы якобы в обмен на то, что ее сын будет объявлен наследником (скорее всего, это предание позднее, и его предназначение доказать правомочность провозглашения императором младшего брата вместо старшего). Контроль за Ле Нгуен Лонгом осуществлялся через его родного дядю по матери Фам Вана, который входил в близкое окружение Ле Шата и Ле Нгана, но сам на первые роли никогда не претендовал.

Судя по всему, Ле Лой понимал, что между двумя этими группировками после его смерти может возникнуть конфликт,

поэтому решил заранее определить порядок престолонаследия, используя компромиссный вариант: в 1429 г. наследником престола был провозглашен его младший сын Ле Нгуен Лонг, а старший сын, Ле Ты Тэ, в случае смерти отца, должен был стать правителем-регентом при своем младшем брате.

В свете особенностей в расстановке сил в руководстве Дайвьетом, рассмотренных нами выше, особого внимания заслуживает изучение событий, произошедших в стране в 1433 г. в связи со смертью императора Ле Лоя. В соответствии с официальной версией, изложенной в ТТ, в тот год Ле Лой совершил очередной поход на северо-запад современного Вьетнама, затем посетил Западную столицу и поклонился могилам предков, а после возвращения в 8-й луне неожиданно отменил свое решение о назначении правителем-регентом своего сына Ле Ты Тэ, низведя его до удельного князя-*куанвьонг*. Уже в следующей дополнительной 8-й луне того же года (5 октября 1433 г.) первый император династии Поздние Ле умер. Объяснение этому столь странному решению, содержащееся во вьетнамских источниках (китайские источники в этом вопросе помочь нам ничем не могут), выглядит очень подозрительным. Якобы отец счел своего старшего сына «сумасшедшим». Между тем известно, что Ле Ты Тэ был умелым военачальником, сражавшимся бок о бок со своим отцом всю войну. В свое время (1427 г.) его даже отправляли заложником к Ван Туну, когда после принесения взаимной клятвы того потребовали обстоятельства. И после победы он также был очень активен, занял пост правого канцлера (третьего лица в государстве), в 1429 г. стал потенциальным правителем-регентом. В 1432 г. лично возглавил поход на *тяу* *Мыонгле*, добившись победы. Тем не менее все вьетнамские источники в один голос утверждают, что дела обстояли именно так. Особняком стоит лишь летопись Ле Куи Дона *Дайвьет тхонгшы*: текст в ней примерно такой же, что и в ТТ, и последовательность событий в тексте такая же. Но есть один небольшой нюанс. Информация о снятии Ле Ты Тэ со своего поста по распоряжению Ле Лоя хотя и стоит до сообщения о смерти первого императора, однако датирована не 8-й (как в ТТ), а 10-й луной, т. е. временем уже после его смерти¹³. Мы не поленились и по-

смотрели все доступные нам рукописи этой хроники Ле Куи Дона. Во всех данное событие записано под 10-й луной. Это позволяет утверждать, что о простой ошибке переписчика здесь речь идти не может. Есть все основания подозревать, что в своей работе великий вьетнамский энциклопедист оставил «скрытое указание» о государственном перевороте, произошедшем в стране после смерти Ле Лоя, в результате которого к власти пришел его младший сын (император Ле Тхай-тонг), вернее те, кто стоял за его спиной: боевые военачальники Ле Лоя — Ле Шат, Ле Нган и примкнувший к ним дядя наследника Фам Ван, который стал при этом раскладе ключевой фигурой. Косвенное подтверждение этому мы находим и в китайских источниках, которые свидетельствуют, что смена власти в Дайвьете в 1433 г. сопровождалась бурными событиями, ожесточенными военными столкновениями, исходом вьетнамцев на сопредельную территорию и их переходом под юрисдикцию Поднебесной. Вот что пишет об этом МШЛ: «Главкомандующий-цзунбин Гуанси товарищ-цянъши главноуправляющего-дуду Шань Юнь доложил: “Ле Лой из Зяоты уже умер. Его старший сын — сумасшедший, следующий сын — слабое дитя. Сановники-злодеи Ле Ван и Ле Шат незаконно присвоили власть. Губят сообщников, своевольничают и истребляют друг друга. Добрый люд обьял страх и ужас. Местные чиновники из области-фу Лангшон — Нгуен Тхэ Нинь из уезда Тхоат и Нгуен Конг Динь из тьяу Тхатнгуен — оба забрали свои семьи и подчиненных, всего более трехсот человек, и, спасаясь от беды, пришли и подчинились. Выразили желание поселиться в Гуанси: либо в Лунчжоу, либо в области-фу Тайпин, либо в Нижней или Верхней Дунчжоу”»¹⁴. Кроме того, в течение следующих нескольких лет ближайшим родственникам Ле Лоя во главе с Чинь Кха хотя и удалось сохранить свои жизни, но не удалось сохранить свои посты в столице, и они на некоторое время исчезли со страниц хроники.

Три примера, приведенные выше, далеко не исчерпывают весь круг вопросов, которые возникают у исследователя при сопоставлении данных, содержащихся во вьетнамских и китайских источниках и касающихся борьбы вьетнамского народа за свое

освобождение в начале XV в. Это еще раз свидетельствует о том, что даже, казалось бы, столь тщательно проработанная и изученная тема при использовании современных методов исследования и привлечении новых источников позволяет по-другому взглянуть на многие проблемы, прийти к новым выводам и заключениям, в том числе касающимся принципиально важных тем.

Примечания

¹ Phan Huy Lê, Phan Đại Doãn. Khởi nghĩa Lam-Sơn và phong trào đấu tranh giải phóng đất nước vào đầu thế kỷ XV (Фан Хуи Ле, Фан Дай Зоан. Ламшонское восстание и борьба за освобождение страны в начале XV в.). Н., 1969.

² Thái sư Cương quốc công Nguyễn Xi: quê hương, con người, sự nghiệp (Великий учитель-тхайшы Кыонг-кюокконг Нгуен Си: место рождения, личность, биография). Nghệ An, 1997; Lê Lợi (1385—1433) và Thanh Hóa trong khởi nghĩa Lam Sơn (Ле Лой (1385—1433) и Тханьхоа в ламшонском восстании). Thanh Hóa, 1998; P. C. Hội thảo khoa học: «Danh nhân lịch sử Lưu Nhân Chú» (П. С. Научная конференция «Знаменитый исторический деятель Лыу Нян Тю»). — NCLS, 2001/ № 318. С. 93; Khởi nghĩa Lam Sơn và thành lập vương triều Lê. Kỳ yếu hội thảo khoa học kỷ niệm 580 năm giải phóng Đông Quan và thành lập vương triều Lê (Ламшонское восстание и создание династии Ле. Тезисы научной конференции, посвященной 580-летию освобождения Донгкуана и создания династии Ле). Н., 2008; Hội thảo khoa học «Bảo tồn và phát huy các giá trị di sản văn hóa chiến thắng Xương Giang năm 1427» (Научная конференция «Сохранять и использовать культурные ценности победы 1427 г. под Сыонгзянгом»). Bắc Giang, 2009.

³ Мин шилу. Рукопись. URL: <http://epress.nus.edu.sg/msl/entry/1192?hl=%22Annam%22> (в дальнейшем — МШЛ). Тай-цзун, цз. 196. Л. 2054.

⁴ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 4. Н., 1993 (в дальнейшем — ТТ). Основные анналы. Гл. 10 (в дальнейшем — ВК-Х). С. 75а.

⁵ ТТ, ВК-Х. С. 24б.

⁶ Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử (Ле Куи Дон. Сводная история Дайвьета). С., 1973 (в дальнейшем — Ле Куи Дон...). Гл. 1. С. 23б.

⁷ *Hoàng Xuân Hãn. Những lời thề của Lê Lợi (Хоанг Суан Хан. Слова клятвы Ле Лоя).* — *Sử Địa*. 1966, № 1. С. 3—22; № 2. С. 11—28.

⁸ ТТ, ВК-Хю. С. 18b.

⁹ Ле Куи Дон. Указ. соч. Гл. 1. С. 23b.

¹⁰ ТТ, ВК-Х. С. 23a.

¹¹ Мин ши (明史, История [династии] Мин). Т. 1—27. Пекин, 1997. С. 4232.

¹² ТТ, ВК-Х. С. 23a.

¹³ Ле Куи Дон. Указ. соч. Гл. 2. С. 70b.

¹⁴ МШЛ, Сюань-цзун, цз. 109. Л. 2444—2445.

М.А. Сюннерберг

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА*

В рамках проекта РГНФ «Исторические и общественно-политические деятели стран Индокитая» проводится систематизация биографических данных и выявляются новые сведения о жизни различных деятелей Вьетнама, Камбоджи, Таиланда и Лаоса. Биография личностей — один из важнейших аспектов исторической науки, который позволяет не только лучше представить творцов общественно-исторического процесса в странах изучения, но и определить качественные характеристики их социокультурного типа в целом. Систематизация базы данных по персоналиям в выделенных участниками научного проекта группах послужит основой для типологизации политической власти и политических элит в странах региона в целом. Также подобное исследование помогает обрисовать роль различных социальных, этнических групп в исторической ретроспективе, равно как и охарактеризовать роль женщин в истории соответствующих стран.

Применительно к Вьетнаму следует заметить, что изучение биографий отдельных личностей стало одной из главных отличительных черт современного этапа развития вьетнамской исторической науки. По данной тематике выпускаются как серьезные научные исследования, так и в большей степени научно-популярная литература, в том числе и беллетризованные издания.

* Подготовлено при поддержке РГНФ, грант № 13-01-00191 «Исторические и общественно-политические деятели стран Индокитая».